

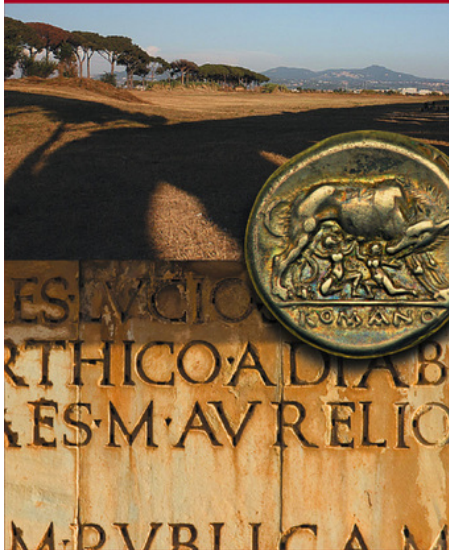

Виктор Сонькин

Здесь был РИМ

Современные
прогулки
по древнему
городу

CoRpus

премия
Просветитель
лауреат 2013

ИСТОРИЯ ОДНОГО ГОРОДА

Виктор Валентинович Сонькин

Здесь был Рим. Современные прогулки по древнему городу

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6183897

Здесь был Рим. Современные прогулки по древнему городу / Виктор

Сонькин: V 1.0 by prussol; Москва; 2015

ISBN 978-5-17-091636-8

Аннотация

Виктор Сонькин – филолог, специалист по западноевропейским и славянским литературам, журналист, переводчик-синхронист и преподаватель, один из руководителей семинара Борисенко – Сонькина (МГУ), участники которого подготовили антологии детективной новеллы «Не только Холмс» и «Только не дворецкий». Эта книга возникла на стыке двух главных увлечений автора – античности и путешествий. Ее можно читать как путеводитель, а можно – как рассказ об одном из главных мест на земле. Автор стремился следовать по стопам просвещенных дилетантов, влюбленных в Вечный город, – Гете, Байрона, Гоголя, Диккенса, Марка Твена, Павла Муратова, Петра Вайля. Столица всевластных пап, жемчужина Ренессанса и барокко, город Микеланджело и Бернини будет просвечивать почти сквозь каждую страницу, но основное содержание книги

«Здесь был Рим» – это рассказ о древних временах, о городе Ромула, Цезаря и Нерона.

Содержание

О чем эта книга	6
Слова благодарности	8
Тысяча слов об истории Древнего Рима	16
Глава первая	24
Цари	32
Комиций и курия	43
Имена	47
Черный камень	56
Курциево озеро	60
Янус и Клоакина	65
Арка Септимия Севера	73
Храм Сатурна	78
Храм Согласия	83
Храм Веспасиана	88
Портик богов Согласия	91
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Виктор Сонькин
Здесь был Рим.
Современные прогулки
по древнему городу

© В. Сонькин, 2012

© В. Сонькин, подбор иллюстративного материала, 2012

© Т. Руссита, карты, 2012

© А. Бондаренко, оформление, 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2013

Издательство CORPUS ®

* * *

О чем эта книга

На западном берегу Нила, возле древних Фив, стоят две полуразрушенные статуи. Они изображают фараона Аменхотепа III, но в античности одна из них была известна как «Колосс Мемнона» – в честь эфиопского воина-полубога, который со своим войском пришел помочь обреченным троянцам и пал от руки Ахиллеса. Говорили, что на рассвете эта статуя иногда издает звук, похожий на звук человеческого голоса.

Статуя Мемнона привлекала греческих и римских туристов на протяжении нескольких веков. Ее посещали высокопоставленные гости – например, молодой полководец Германник, любимец войска и римского народа, приехавший в Египет, чтобы «ознакомиться с древностями» (*cognoscendae antiquitatis*), и император Адриан со своей свитой. За два первых века нашей эры гигантские ноги Мемнона покрылись сотней надписей в стиле «Здесь были Кесарь и Осия» – среди них сорок пять по-латыни, шестьдесят три по-гречески и одна двуязычная.

С тех пор страсть к путешествиям и страсть к историческим знаниям переплелись еще теснее. В XVIII веке приобщение к сокровищам античности превратилось в строго расписанный «Большой тур по континенту», без которого образование британца считалось неполноценным. А от Большого

тура уже рукой подать до современных турпакетов «Все сокровища Италии за неделю» и бесчисленных путеводителей.

Книги о городах и странах, рассчитанные на любителей истории, в наши дни делятся на две основные категории. Одни подробно описывают здания, руины, методы строительства, размеры и архитектурные особенности древних памятников. Другие исходят из того, что можно путешествовать во времени, и объясняют, как прожить в древнем Риме на пять сестерциев в день.

Эта книга устроена иначе. Она рассказывает не только и даже не столько о камнях и пьедесталах – а об историях, которые за ними стоят. Одно дело – просто проходить мимо здания Министерства финансов, где и развалин-то никаких нет; другое дело – знать, что на этом месте некогда было «Проклятое поле», где хоронили жриц-весталок, нарушивших обет целомудрия, и их кости до сих пор лежат где-то здесь, под землей, совсем рядом.

Вызвать эти смутные тени со страниц древних писателей и скучных учебников, поставить их там, где они при жизни любили, сражались, дурачились, торговали, плели интриги, – вот в чем задача нашей книжки. Если вы собираетесь в дорогу, или недавно вернулись из Вечного города, только мечтаете о нем или предпочитаете путешествовать не вставая с кресла – эта книга для вас.

Слова благодарности

Римский император Марк Аврелий был по совместительству философ-стоик. Свое философское сочинение, которое по-русски называется то «Размышления», то «К самому себе», он начал с перечисления людей, которым был обязан чертами характера и жадой знаний: «От Вера, моего деда, я унаследовал сердечность и незлобивость. От матери – благочестие, щедрость, воздержание. От прадеда – то, что не пришлось посещать публичных школ. От воспитателя – равнодушие к борьбе между зелеными и синими [имеются в виду спортивные команды на колесничных гонках]. От Рустика... От Апполония... От Александра-грамматика...»¹

Древние хорошо понимали, что человек существует не сам по себе и плоды его труда – часть непрекращающегося круговорота поколений и общения. Для выражений признательности в англоязычных научных книгах (а в последнее время и в научно-популярных, и в художественных) есть даже специальное слово, *acknowledgements*. Пусть и здесь в начале книги прозвучат слова благодарности тем, кто так или иначе принимал участие в ее появлении на свет. Я прошу прощения у всех, кого я по забывчивости или рассеян-

¹ Пер. С. М. Роговина.

ности не упомянул.

Несколько человек, знакомых со мною лично или по переписке, предложили прочитать отдельные главы или всю рукопись целиком и высказать свои соображения, поправки, замечания и пожелания. Я глубоко признателен историку Виктории Мелехсон, журналисту Юлии Штутиной, аналитику Анне Черновой и ее маме Ирине, доктору Владимиру Капустину за доброжелательные и критичные замечания. Филолог-классик, литературный критик и переводчик Григорий Дашевский деликатно исправил несколько неточностей и высказал ряд ценных предложений. Особую благодарность я хочу принести журналисту Ольге Гринкруг, автору прекрасных путеводителей по Риму и Флоренции, редактору путеводителя по Италии; она самоотверженно прочитала почти весь текст, и без ее сомнений, уточнений и поправок книга бы многое потеряла.

Мои студенты, нынешние и бывшие – строгие и придирчивые критики. К самым педантичным из них я постоянно обращаюсь за помощью, когда сомневаюсь в запятой, обороте речи, этимологическом экскурсе или латинском выражении. Мою рукопись целиком прочитали математик и переводчик Олег Попов, лингвист Александр Пиперски, литературовед и медик Андрей Азов. К сожалению, жанр и объем не позволяют подробно рассказать об этой драгоценной помощи; каждый из них высказал множество ценных замечаний и выловил ряд ляпов и неточностей, а Андрей даже рас-

ставил все полагающиеся по типографским правилам знаки препинания. Андрею и Олегу я также признателен за помощь в создании сайта *Here-was-Rome.com*, который призван служить интерактивным дополнением к этой книге. В уточнении стилистических и орфографических решений на этапе корректуры принимал участие лингвист Александр Бердичевский. Разумеется, ответственность за все оставшиеся недочеты лежит на авторе. Я благодарен всем слушателям моих лекций о Риме в ЗЭШе, ЛЭШе, СитиКлассе, «Муми-Тролле», «Додо-спейсе» и на круизах компании *Voyages to Antiquity*.

Толчок к превращению довольно смутной идеи в книгу о Риме дал издательский дом «Вокруг Света» в лице его тогдашнего главного редактора Сергея Пархоменко. Редактор книжного отдела Александр Туров держал руку на пульсе, художник Лидия Левина занималась вопросами оформления. Невозможно переоценить тот вклад, который внесла в работу редактор книги Юлия Ревзина. Хотя наши взгляды не во всем совпадали, без нее эта книга была бы намного неряшливее; я особенно признателен за исправленные погрешности в области архитектуры.

Когда издательство «Вокруг Света» закрыло свою книжную программу, проект подхватила команда удивительно-го издательства *Corpus* во главе с Варварой Горностаевой. Я глубоко признателен всем представителям издательства и внешним подрядчикам, принимавшим участие в работе

над этой книгой – Гаянэ Арутюнян, Инне Заявлиной, Ирине Гачечиладзе, Евгении Кононенко, Константину Мильчину. Художник Андрей Бондаренко создал традиционно элегантный макет и нашел много интересных иллюстраций, а Андрей Кондаков воплотил этот макет в жизнь в сложных условиях, в число которых входил постоянный обмен мнениями с автором. Я благодарен Ольге Ивановой за вдумчивую и аккуратную корректуру и прекрасному редактору Екатерине Владимирской за орлиную зоркость, пунктуальность, доброжелательность и поддержку. Я глубоко признателен фонду «Династия», лично Д. Б. Зимину, жюри и организаторам премии «Просветитель» и всем моим соратникам по коротким и длинным спискам всех лет за высокую оценку моей работы и за их подвижническую деятельность, которая делает общество умнее и лучше.

У нынешних исследователей, в отличие от всех предыдущих поколений, под рукой есть инструмент невероятной силы и гибкости – интернет. Здесь нет возможности перечислять все ресурсы, к которым я обращался в ходе работы, от Гугла до Википедии, но несколько проектов я хотел бы отметить особо. Это сайт *Livius.org* голландского историка Йоны Лендерлинга; это невообразимый по охвату и тщательности сайт *Lacus Curtius* американского переводчика и знатока античности Билла Тейера; это сайт о прошлом и настоящем Рима *Romeartlover.it*, который создал итальянский инженер-нефтяник на пенсии Роберто Пиперно. Среди отече-

ственных ресурсов по классической древности самым полезным для меня, особенно при поиске русских переводов греческой и латинской литературы, был сайт *Ancientrome.ru*.

Предшественником этой книги, ее протOVERсией, была серия исторических эссе, которые публиковались в рамках сетевого проекта «Информационный бум». Я благодарен всем моим коллегам по этому проекту, и особенно вдохновителю и организатору «Инфобума» Александру Малюкову.

Неоценимую помощь оказали мне зарубежные коллеги, в числе которых я хотел бы особо отметить Аманду Кларидж, автора Оксфордского археологического путеводителя по Риму, Сьюзен Уокер, куратора Ашмолеанского музея в Оксфорде, Роберта Коутса-Стивенса из Британской Академии в Риме и археолога Джованни Риччи, показавших мне новые раскопки в городе, Терезу де Беллис из Французской академии на Вилле Медичи, Тайлера Лэнсфорда, автора уникального путеводителя по латинским надписям Рима, а также сотрудников библиотек, где я проводил изыскания – Исторической библиотеки в Москве, Британской библиотеки в Лондоне и Бодлеанской библиотеки в Оксфорде.

Слава Швец показала мне тайные уголки Рима, известные только истинным знатокам города. Семья Лубенских поставила эксперимент на себе, предложив мне впервые в жизни выступить в роли римского гида или, как это называлось в прежние времена, чичероне.

Прекрасный художник и надежный друг Татьяна Руссита

вложила в эту книгу намного больше сил, времени и усердия, чем кто-либо мог предполагать в начале пути, и героически терпела мое занудство и бесконечные уточнения. Ей принадлежат карты-схемы к каждой главе и к книге в целом.

Я признателен своим старинным и не очень старинным друзьям – Евгению Гинзбургу, Александру Краснову, Якову Журинскому и Инне Грошевой, Ксении Рождественской, филологам-классикам Юлии Луговой и Родни Асту, оксфордским специалистам по античной истории и литературе Георгию Кантору и Антонине Калининой, переводчику Роберту Чандлеру, Елене Костюкович, Наталии Банке, Юлии Гумен, Карлу Саббагу, Илье Иткину, Линор Горалик, Ладе Бакал и Илье Овчинникову, ангелу-хранителю наших книжных проектов Александру Гаврилову. Для римлян дружба была понятием священным; я тоже стараюсь об этом не забывать.

За редкими исключениями, львиной долей достижений каждый человек обязан своей семье. Я счастлив, что не принадлежу к числу исключений и что в этой книге есть частица труда и любви моих родственников. Мои бабушки и дедушки первыми подтолкнули меня к книгам и сокровищам мировой культуры; от бабушки Веры Викторовны Добронравовой, например, я впервые услышал стихотворения Михаила Кузмина на античные темы («Разве неправда, что жемчужина в уксусе тает») – задолго до того, как публикации авторов Серебряного века стали широко доступны. Мой папа Вален-

тин Дмитриевич Сонькин, профессор-физиолог, по сей день остается для меня образцом научной глубины и ясности изложения, а его жена Александра Макеева – один из самых преданных пропагандистов моей лекционно-просветительской деятельности. Моя мама Любовь Сергеевна Шашкова, редактор с многолетним стажем, не только читала со мной в детстве «Легенды и мифы древней Греции», но и вычитала несколько глав этой книги, за что я ей страшно признателен. К сожалению, до выхода книги в свет не дожил мой отчим Валентин Викторович Мазин, эрудит, меломан и большой ценитель искусства. Ряд глав прочитали, делая очень полезные замечания, моя теща Галина Яковлевна и тесть Леонид Сергеевич Борисенко; им, а также Александру и Леониду Неймаркам, я обязан многими интересными историческими дискуссиями. Мои братья, математик Владимир и психолог Виталий, поддерживали меня своим любознательным отношением к Риму – им и их женам (Ксении и Анне) я многим обязан. Моя первая жена Ольга Прохорова неизменно поощряла мои литературные и журналистские опыты. Мой старший сын Василий и его жена Дарья, к моему большому удовольствию, выбрали Рим в качестве финального пункта своего свадебного путешествия, а младший сын Михаил безропотно и стойчески неделю бродил со мной по римским достопримечательностям. Недавно в Риме побывала моя юная сестра Елена – надеюсь, что и она полюбит Вечный город. Если эта книга окажется интересной для моих детей и внуков,

я буду считать свою просветительскую задачу выполненной.

Самый большой вклад в появление этой книги на свет внесла моя жена и соратница Александра Борисенко. В обсуждениях каждой главы, в издательских мытарствах, в предрассветных прогулках по безлюдному Риму, в постоянном совместном творчестве она стала, по сути дела, соавтором этой книги; без ее поддержки и терпения «Здесь был Рим» не увидел бы свет.

И еще один человек, без которого эта книга была бы немыслима, – академик Михаил Леонович Гаспаров, ученый, мудрец, лучший русский стилист последних десятилетий. Он умел говорить просто о сложных вещах так, как не дано больше никому. Этот труд о его любимом Древнем Риме – скромный дар светлой памяти Михаила Леоновича.

Тысяча слов об истории Древнего Рима

Всередине viii века до н. э. (а может быть, немного раньше или позже; традиционная дата основания Рима – 21 апреля 753 года до н. э.) несколько племен центральной Италии облюбовали клочок земли на пересечении речных и сухопутных дорог и поселились на нем. Эту землю было удобно оборонять: с одной стороны ее прикрывали холмы, с другой – река Тибр. А у торговцев, направляющихся к морю, теперь можно было требовать дань за проезд. В первые века своего существования Рим постепенно превращался из союза поселений в настоящий город – с крепостными стенами, армией, храмами богов и собственной мифологией. По преданию, правили этим самым-самым древним Римом цари. Сколько в легендах о царских временах выдумки и сколько правды – сейчас разобраться невозможно.

В 510 году до н. э. сексуальный скандал положил конец монархии – по крайней мере, так рассказывали сами римляне. Аристократы возмутились непристойным поведением царского сына и изгнали царя и его родственников из города. Была учреждена республика, в которой высшая исполнительная власть принадлежала двум ежегодно избираемым чиновникам-консулам, а система юридических сдержек

и противовесов была так сложна, что правоведы до сих пор пишут о ней толстые тома, и далеко не все еще поняли.

Долгое время политическая власть Рима была сосредоточена в руках нескольких семей, которые гордились древностью рода и чистотой крови. С ростом государства на роль в управлении стали претендовать и выходцы из других социальных слоев. Чтобы сломить сопротивление аристократов (по-римски – патрициев), народу (плебеям) приходилось устраивать шумные демонстрации с угрозами вовсе уйти из Рима и основать собственное государство где-нибудь поблизости. Когда этот конфликт был исчерпан, разделение римских граждан на патрициев и плебеев утратило прежнюю актуальность.

Молодому государству быстро стало тесно в долине Тибра, и постепенно под римскую власть попали окрестные племена, а потом и вся остальная Италия. Последними на полуострове Риму покорились греческие города юга, так называемая «Великая Греция».

К середине III века до н. э. Рим был готов к выходу на большую средиземноморскую арену. Но у него обнаружился соперник – Карфаген, царство на территории нынешнего Туниса, основанное финикийцами с Ближнего Востока. Первое столкновение между державами закончилось разделом сфер влияния, а у римлян появился военный флот. На второй войне римская история едва не прервалась: если бы после катастрофического поражения при Каннах римляне не собра-

лись с силами и не одолели грозного врага, европейская цивилизация пошла бы другим путем. Третья война с Карфагеном была уже просто карательной операцией: Рим добивал поверженного соперника. Бывшие карфагенские сферы влияния – Сицилия, Испания, часть Северной Африки – перешли под римский контроль.

Несмотря на военные победы, дела в экономике шли неважно, а приток дешевой рабской силы из новых владений вызвал в Италии кризис трудоустройства и неплатежей. Братья Гракхи, отпрыски благородного семейства, попытались провести земельную реформу и предложили ряд других нововведений, которые богатые аристократы встретили враждебно. Программа Гракхов во многом осуществилась, но оба брата погибли от рук разъяренной толпы.

Последние сто лет существования римской республики были страшны и кровавы. На границах разраставшейся страны непрестанно шли войны. В самом Риме политическая система вышла из равновесия; фракции олигархов и популистов люто враждовали, государство слабело, народ тосковал о сильной руке. Долго ждать не пришлось. Новое поколение римских политиков осознало, что в расшатанном государстве политика творится не шумом народных собраний и не красноречием сенаторов, а мечами легионеров. Диктаторы сменяли друг друга, причем каждый новый казнил сторонников предыдущего и отнимал у них имущество. Когда многообещающий полководец Юлий Цезарь заключил трой-

ственный союз с двумя другими претендентами на высшую власть и надолго отправился в Галлию (нынешнюю Францию) подчинять Риму дикие племена, казалось, что кровавой чехарде гражданских войн пришел конец. Но девять лет спустя Цезарь повел свои закаленные в галльских сражениях легионы на Рим. Снова начался раздор, из которого Цезарь вышел победителем, но воспользоваться своей победой ему не довелось. Внятной программы государственного строительства у него не было, а его врагам казалось, что он подумывает о царской короне. На царскую атрибутику у римлян была сильнейшая аллергия; объединившись в заговор, 15 марта (в так называемые «мартовские иды») 44 года до н. э. блюстители республиканской чести убили Цезаря.

Республику это не спасло: между заговорщиками и сторонниками Цезаря разразилась очередная гражданская война, в которой заговорщики потерпели поражение. Прошло еще десять лет, и теперь уже цезарианцы – опытный генерал Марк Антоний и молодой внучатый племянник Цезаря Октавиан – сражались друг с другом за первенство. Поддержка египетской царицы Клеопатры и сил греческого Востока не помогли Антонию: Октавиан победил, став единственным и бесспорным хозяином положения.

На рубеже республиканской и императорской эпох территориальная экспансия впервые столкнулась с непреодолимыми препятствиями: римляне потерпели одно сокрушительное поражение в ближневосточной Парфии, другое – в Гер-

мании. Эти две катастрофы остановили продвижение римской границы на юго-восток и на север.

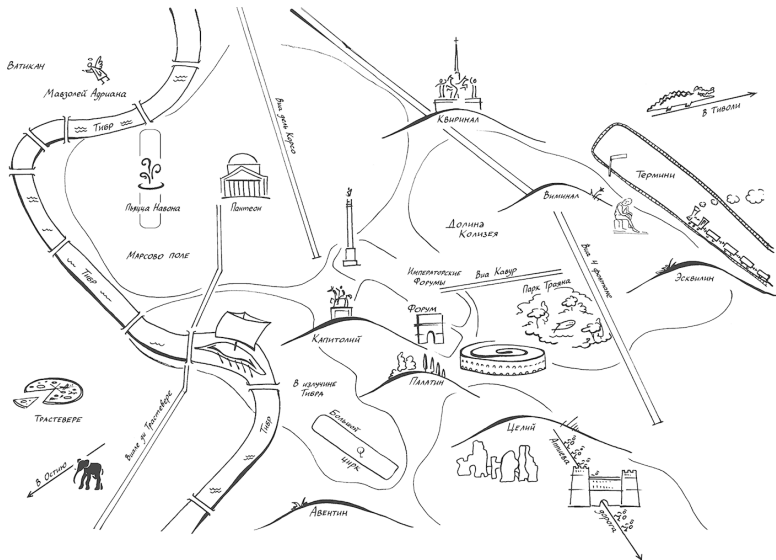
Октавиан (принявший в 27 году до н. э. почетный титул «Август») оказался хитрым и дальновидным политиком. Он не отменял республиканские порядки и должности, не называл себя ни царем, ни диктатором, и правил якобы на основании своего морального авторитета. Но когда в старости он принялся лихорадочно подыскивать себе преемника, стало понятно, что на возвращение древней республиканской вольности надежды нет.

Система, установленная Августом, очень сильно зависела от личных качеств верховного правителя. При «дурных императорах» дела шли плохо: Нерон поджигал Рим и казнил неугодных, Калигула приводил коня в сенат и устраивал шутовские военные походы. При «добрых императорах» благосостояние росло, налоги собирались исправно, провинции процветали. В начале ii века н. э., при императоре Траяне, Римская империя достигла максимального территориального размаха, охватив почти весь известный римлянам мир – от Шотландии до Египта, от Португалии до Армении.

В iii веке н. э. государство поразил системный кризис. Границы стали проседать под натиском варваров, торговля замерла, рождаемость упала. Традиционную римскую религию потеснили восточные культы – в том числе иудаизм и отпочковавшееся от него христианство. «Солдатские императоры», ставленники легионов, часто – провинциалы и про-

столюдины, уничтожали друг друга с завидной регулярностью; почти никто из них не умер своей смертью. Наконец, император Диоклетиан решительно реорганизовал устройство государства – от сбора налогов до разбиения империи на административные единицы. О сохранении республиканского фасада он уже не заботился. Он же разделил империю на западную и восточную половины – для лучшей обороняемости.

Восточная Римская империя, которую историки называют Византией, просуществовала больше тысячи лет. Западной жить оставалось недолго. Армия, состоящая к тому моменту почти исключительно из наемников-варваров, не могла, да и не хотела сдерживать натиск на границах. Традиционно концом истории Древнего Рима считается 476 год, когда германский вождь Одоакр низложил последнего римского императора, мальчика по имени Ромул Августул.

hic sacra domus carique penates, hic mihi Roma fuit.
Лукан

*Here was Rome indeed at last; and such a Rome as
no one can imagine in its full and awful grandeur!*
Чарльз Диккенс

Словом, он уединился совершенно, принялся рассматривать Рим и сделался в этом отношении подобен иностранцу, который сначала бывает поражен мелочной, неблестящей его наружностью, испятнанными, темными домами, и с недоумением вопрошает, попадая из переулка в переулок: «Где же

огромный древний Рим?» – и потом уже узнает его, когда мало-помалу из тесных переулков начинает выдвигаться древний Рим...

Н. В. Гоголь

Глава первая

Форум, или Сердце Рима

Хаос развалин. – От болота до «коровьего пастбища». – Семь царей. – А может быть, все было не так. – Памятник фиговому дереву. – Сенаторы и сенат. – Христиане против победы. – Черный камень и «поворот быка». – В чем главная сила римского народа? – Почему Август гордился тем, что при нем храм Януса был закрыт? – Водопровод, сработанный еще рабами Рима. – Восточные победы на триумфальной арке. – Как ограбить государственную казну. – Сатурналии и Рождество. – Раздор воздвигает храм Согласию. – Путеводитель немецких монахов. – Двенадцать главных богов. – Династические проблемы императора Августа. – Благородная Матрона судится с молодой мачехой. – Корабельные носы: самое почетное место города. – Как хоронят знатных римлян. – Византийский бандит и английская герцогиня. – Братья-конеборцы. – «Посторонним В.» – Комета Цезаря.

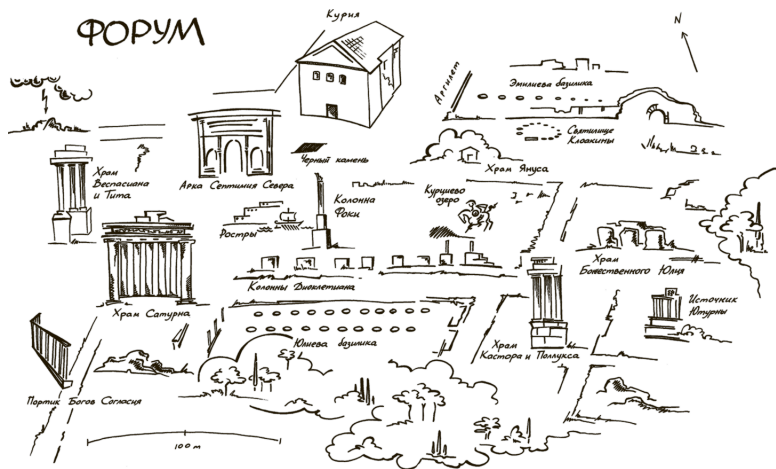
Почти все путеводители по Риму начинаются с рассказа о Форуме, и почти все повторяют одну и ту же мысль: Форум – это кирпично-каменная каша обломков и руин, которые неудобно осматривать и трудно понять, но зато по историческому величию мало какая площадь мира может с ним

сравниться. Точнее всего высказалась Аманда Кларидж, автор «Археологического путеводителя по Риму»: «как будто здесь разорвалась бомба». Впрочем, ее соотечественник лорд Байрон говорил нечто подобное уже двести лет назад:

*Хаос развалин! Кто поймет пустоты,
Прольет на камень лунные лучи
И скажет «Здесь был Рим» в двойной ночи.²*

«Двойная ночь», о которой пишет поэт, – это тьма веков и тьма невежества, и если против первой человек бессилен, то вторую можно осветить (или, как выражается автор другого путеводителя, «нашпиговаться латинской историей»). Попробуем это сделать.

² Здесь и далее переводы без указания переводчика принадлежат автору книги.

Во-первых, что такое римский Форум? Это довольно обширный прямоугольник, растянувшийся с запада на восток и ограниченный с запада холмом Капитолием, с юга — холмом Палатином, с севера — императорскими форумами (и названной в их честь Виа деи Фори Империали), а на востоке почти упирающийся в Колизей. Во многих книгах Форумом в строгом смысле считают только западную половину этого прямоугольника. Мы следуем этой традиции, и о памятниках Священной дороги рассказываем в следующей главе.

Во-вторых, путеводители не лгут: действительно, вряд ли на свете найдется другой клочок земли, где на квадратный метр приходилось бы такое количество великих историче-

ских событий. Писатель времен Возрождения Поджо Браччолини описывал свои походы на Форум в 1420-е годы, где он «частенько уносился душой, почти окаменев от изумления, в те времена, когда там звучали постановления Сената, и представлял себе речи то Луция Красса, то Гортензия, то Цицерона». В xviii веке нечто сходное испытывал историк Эдвард Гиббон: «И спустя двадцать пять лет я не могу ни забыть, ни выразить сильные чувства, обуревавшие мой ум, когда я впервые приблизился к вечному городу и вошел в него. После бессонной ночи я торжественно ступал по руинам Форума; те памятные места, где стоял Ромул, или выступал Туллий, или пал Цезарь, представляли моему взору». Сегодня мы знаем о памятниках Форума гораздо больше, чем в эпоху Возрождения: здание Сената было не там, где думал Поджо, а Цезаря убили вообще не на Форуме. Одно не изменилось: по-прежнему трудно найти на свете место, столь богатое историей.

Но при этом надо напоминать себе, что никаких следов того, что видели Цезарь и Цицерон, не говоря уж о Ромуле, на нынешнем Форуме не осталось (точнее, они спрятаны глубоко под землей). В лучшем случае самые старые памятники будут обломками зданий эпохи поздней империи. Правда, можно немного утешиться тем, что древние римляне были очень консервативны и при восстановлении и даже полной перестройке зданий старались как можно меньше отступать от образца. Но это – в лучшем случае: половина памятни-

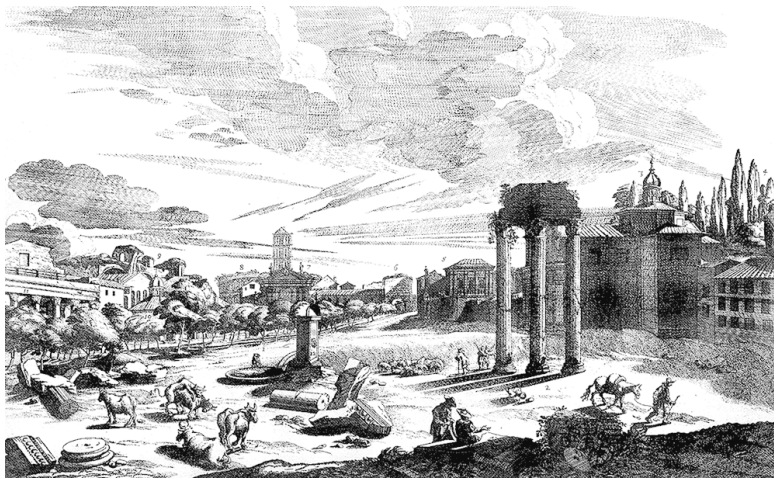
ков Форума обязана своим нынешним видом радикальной реставрации XIX и XX веков.

В доисторические времена будущий Форум был болотистым углублением между холмами. Древнейшие его памятники расположены не посредине площади, а у краев: они жмутся к подножиям Капитолия и Палатина. На месте будущего храма Антонина и Фаустины было кладбище (в исторические времена римляне почти никогда не хоронили своих мертвецов в черте города). Болото пересекал ручей. Потом болото осушили, площадь выложили камнем, проложили по ней первую дорогу, позже названную Священной, – а ручей спрятали под землю.

Из центральной торговой площади Форум постепенно превратился в средоточие общественной и политической жизни: здесь собирался Сенат, здесь принимались законы, здесь ковались союзы, здесь решались судьбы мира. С закатом римской республики и установлением императорского правления эта роль Форума отошла в прошлое. Но внешне он стал еще более величественным, и, несмотря на появление рядом целой череды новых императорских форумов, оставался главным – как «Римский Форум» (*Forum Romanum*) или «Великий Форум» (*Forum Magnum*).

Когда римская империя пала под натиском варваров, население города уменьшилось в сто раз и сосредоточилось вдали от Форума, на Марсовом поле. Античные памятники стали постепенно приходить в упадок. Вечный город не обо-

шли стороной природные и политические катастрофы: в 847 и в 1231 годах – разрушительные землетрясения, в 1084 году – погром, устроенный войском норманнского герцога Роберта Гвискара. Но жизнь продолжалась: средневековые бароны пристраивали к античным аркам свои крепости, а монахи превращали языческие храмы в христианские. В эпоху Возрождения древние постройки Форума превратились в каменоломню, откуда папские строители и архитекторы без стеснения брали мрамор и другие ценные материалы для новых зданий. В xvii-xviii веках, когда ренессансная строительная лихорадка утихла, Форум стал одним из самых захолустных и идиллических мест города, и многочисленным путешественникам и художникам он был известен как «Коровье пастбище» (*Campo Vaccino*).

Вид на «Коровье пастбище» в середине xvii века. Гравюра Джованни Фальды.

Систематические раскопки на Форуме стали проводить с начала XIX века, а спустя столетие археологи уже чувствовали себя там полновластными хозяевами. Были снесены жилые дома, разобраны средневековые укрепления, закрылись церкви. На протяжении XX века Форум постепенно превращался в ту обнаженную археологическую зону, какой он предстает сейчас. В наши дни при консервации древних памятников делают упор на сохранение художественных ценностей всех эпох, но Форуму это прозрение уже вряд ли поможет: в поисках античности археологи уничтожили почти все наслоения позднейших времен.

Основной вход в археологическую зону римского Форума расположен со стороны Виа деи Фори Империали. Проходя между зданием Сената и Эмилиевой базиликой, туристы следуют по руслу древнеримской торговой улицы, которая называлась «Аргилет» (возможно, от слова «глина» – *argilla*, – которую добывали неподалеку). Та часть Форума, на которую выходил Аргилет, – это Комиций, место народных собраний. Вокруг него сосредоточены самые древние и самые загадочные памятники Форума. Но прежде чем рассказать о каждом из них по отдельности, нам придется вспомнить, что происходило в Риме в древнейшие времена.

Цари

«Городом Римом вначале владели цари» (*Urbem Romam a principio reges habuere*) – так начинается один из величайших исторических трудов в древнеримской литературе, «Анналы» Тацита. Этот простой факт был для римлян одновременно непреложным и легендарным. С одной стороны, история римских царей была всем известна: их было семеро, и правили они от основания города. Основание традиции относил к 753 году до н. э. (называлась даже точная дата – 21 апреля, – которая и сегодня празднуется как «день рождения города»). А закончилась царская власть в 509 году до н. э., когда аристократы под предводительством Луция Юния Брута изгнали из города последнего царя и установили республиканское правление. С 509 года в республиканских архивах хранились списки консулов и других выборных должностных лиц (магистратов), и эти списки (*fasti consulares*) дошли до исторических времен. Историки склонны считать их подлинными: среди раннереспубликанских магистратов очень много имен, больше ни из каких источников не известных. Если бы списки подправлялись каким-нибудь позднейшим Министерством правды, сильные мира сего вряд ли удержались бы от соблазна включить туда своих предполагаемых предков. А архивы царского Рима, если они когда-либо существовали, погибли в огне во время галльско-

го нашествия в 390-х годах до н. э.

Списки консулов и триумфаторов – победоносных генералов, которым было позволено провести свои войска по Риму в торжественной процессии, называемой «триумф», – были найдены в середине хvі века в виде пятидесяти с лишним мраморных обломков. В те времена найденный мрамор в лучшем случае шел на отделку соборов и дворцов, в худшем – пережигался на известь. Папскому библиотекарю Онофрио Панвинию и его приятелю Микеланджело удалось спасти фрагменты «Фастов» и сохранить их для истории. Сейчас эти мраморные таблицы, кропотливо собранные по кусочкам (которые продолжали находить вплоть до конца хіх века), находятся в Капитолийских музеях и поэтому известны под общим названием *Fasti Capitolini*.

Первым римским царем был основатель города Ромул. История его жизни (и жизни его брата-близнеца Рема) – чистая сказка. В ней есть все, что нужно для сказки: злодейский захват власти (дед близнецов, Нумитор, свергнут с престола злым братом Амулием), зловещее пророчество (Амулий получает оракул о том, что внучатые племянники отберут у него трон), попытка обезопасить себя радикально (Амулий определяет Рею Сильвию, дочь Нумитора, в жрицы-весталки, которые обязаны соблюдать обет целомудрия), разумеется, провалившаяся (Рея Сильвия изнасилована – она утверждает, что богом Марсом, – и беременеет), попытка убийства (близнецов бросают в реку), чудесное спасение (Ромула

и Рема выносит на берег, где их вскармливает волчица), тайное воспитание (дети растут в семье пастуха, не зная о своем царском происхождении), свержение и убийство двоюродного деда, ссора между братьями, гибель Рема от руки Ромула. Интересно, что в просвещенную эпоху римляне уже не очень-то верили собственным старинным легендам. Так, историк Тит Ливий сомневается в божественном происхождении близнецов. По его словам, Рея Сильвия то ли страдала манией величия и сама верила в то, что ее обесчестил Марс, то ли считала, что быть изнасилованной богом – меньшее бесчестье. Кроме того, Ливий дерзко предполагает, что воспитательница детей, жена пастуха по имени Ларенция, была прозвана пастухами «волчицей» (т. е. «женщиной легкого поведения») – отсюда и легенда о чудесном спасении.

Ромулу пришлось оспаривать власть над только что основанным городом у Рема: годами и славой они были равны. Договорились наблюдать птиц: кому боги пошлют более убедительное знамение, тому и править. Ромул устроился на Палатине, главном и самом древнем римском холме; Рем – немного южнее, на Авентине. В секторе Рема птицы появились раньше, в секторе Ромула их оказалось вдвое больше. Каждый приписывал победу себе. В завязавшейся потасовке Ромул убил брата и стал править единолично. О гибели Рема рассказывали и другую историю: будто он, издеваясь над инженерными решениями брата, перепрыгнул через стену нового города, и Ромул убил его со словами: «Так да погибнет

всякий, кто перескочит через мои стены».

Людей в Риме было мало. Чтобы набрать население, Ромул пошел на хитрость, обычную для молодых амбициозных государств – открыл убежище, куда призвал всех обделенных, преследуемых и недовольных судьбой. Буйного люда из окрестных земель набежало немало. Тут выяснилось, что надо как-то выправлять демографическую ситуацию: по понятным причинам в юном городе мужчин оказалось в разы больше, чем женщин. Ромул отправил к соседям посольства и попросил их дочерей римлянам в жены, но на латинских разбойников и головорезов смотрели с опаской и издевательски предлагали открыть убежище и для женщин тоже. Тогда Ромул созвал окрестные племена на спортивные игры; гости, движимые любопытством, пришли. Соседи-сабиняне явились в полном составе, с женщинами и малыми детьми. Тут-то по условленному знаку римские юноши похватили себе сабинских невест. Оскорбленные сабиняне пошли на римлян войной, но когда сражение было в самом разгаре, сабинянки, успевшие привыкнуть к мужьям, «бросились прямо под копы и стрелы наперерез бойцам, чтобы разнять два строя»³ – так говорит об этом историк Тит Ливий. Тогда римляне и сабиняне помирились, Ромул и сабинский вождь Тит Татий стали править вместе, и уже в их правление Рим проявил свой имперский характер, успешно подчинив себе некоторые окрестные города.

³ Пер. В. М. Смирин.

Сабинянки разнимают дерущихся бойцов.

Следующий царь, Нума Помпилий, был благочестив и мудр. По легенде, он был учеником Пифагора, но когда античные историки стали прикидывать даты, они поняли, что расхождение в двести лет никак не залатаешь (да и на каком языке бы они говорили, недоумевает Тит Ливий). Нуме приписывали основание почти всех религиозных установлений государства – жреческих коллегий и календаря. Следующий царь, Тулл Гостилий, оказался, по контрасту, жесток и воинствен (даже его имя, *Hostilius*, значит «жестокий, враждебный»). В его правление Рим пошел войной на собственную метрополию – город Альба Лонгу. Как было принято в героические времена, дело постановили решить единоборством – трое братьев Горациев против троих братьев Куриациев (об этом мы подробно расскажем в главе про Аппиеву дорогу, где состоялось сражение). Римляне победили; Альба Лонга подпала под власть Рима и была уничтожена.

Следующий царь, Анк Марций, был сабинянин по происхождению. Он расширил римские владения до самого Тирренского моря и основал в устье Тибра порт Остию. Наследовавший ему Тарквиний Приск («Старший» или «Древний») был иммигрант-этруск; он учредил в Риме игры и развлечения, увеличил количество сенаторов, усилил кавалерию и успешно боролся с внешними врагами – в том числе, по свидетельству одного из историков, с собственными со-

племенниками.

Самым загадочным царем был Сервий Туллий. Кто он был родом, откуда взялся – глубокая тайна (мы к ней вернемся). При нем римское общество было радикальным образом реорганизовано. Английское слово *census* означает «перепись населения», русское «ценз» – границу, проведенную по определенной социальной характеристике (имущественный, возрастной, образовательный ценз). Это потому, что латинское *census* сочетает в себе оба понятия – перепись и распределение граждан по имущественным классам. Впервые эта основополагающая для Рима процедура была проведена Сервием. По сути дела, реформа Сервия сформировала само понятие римского гражданства. Столь же коренному преобразованию подверглась и армия.

Последнего римского царя звали Тарквиний Гордый. Сын первого Тарквиния и зять Сервия, он захватил трон силой, убив тестя. При нем Рим вел успешные войны и утвердился как главный оплот военной и политической мощи в центральной Италии.

Тарквиний поплатился за буйный семейный нрав: его сын Секст обесчестил добродетельную Лукрецию, жену одного из своих родственников; Лукреция рассказала об этом на общесемейном сборе и закололась; тут-то у одного из присутствующих, а именно у Луция Юния Брута, и лопнуло терпение.

Все описанное выше – неправда. Во всяком случае, прак-

тически ничто не могло происходить так, как это описывает римская традиция. Ромул – почти наверняка мифический персонаж, имя, выдуманное как обратная этимология от названия города. История про страх царя за свой трон, чудесное спасение наследников через волчицу и последующее исполнение пророчества настолько архетипична, что тут и обсуждать нечего – мало у какого народа нет подобного мифа. С другой стороны, миф этот очень почтенный. Можно не сомневаться, что уже в самые древние времена легенда о Ромуле и Реме была широко известна.

Едва ли не главная проблема с римскими царями – соотношение их числа (подозрительного даже самого по себе: уж слишком магическое) и традиционных лет их правления. Семь царей, правивших в совокупности 244 года (в среднем по 35 лет на каждого!) – такой династии долгожителей в истории никогда не было, и о достоверности этих данных не может быть и речи. Многие исследователи, особенно в XIX веке, когда скептицизм был в моде, сомневались даже в существовании царской власти в Риме и относили все, что известно про царей из традиции, в область недостоверных преданий. К тому же по новоевропейским понятиям монархия – дело наследственное; даже сейчас в самых что ни на есть демократических странах королей и королев не выбирают, а ничем не примечательные юноши становятся героями светской хроники только за то, что когда-нибудь им достанется трон. Но римская монархия была устроена по-иному: ца-

рей выбирали, причем прямым всенародным голосованием. (Эту династическую неопределенность унаследовали много веков спустя римские императоры, нередко с катастрофическими последствиями для своих близких и для государства.) Назначением, конечно, заведовал Сенат – совет старейшин (от слова *senex*, «старый»), но народное собрание, хотя бы в теории, могло предложенную кандидатуру отвергнуть.

На это у него был даже не один, а два шанса – сначала во время подтверждения предложенной кандидатуры, потом во время облечения нового царя силовыми полномочиями (слово, обозначающее эти полномочия – *imperium*, – как многие римские понятия, не переводится нацело ни на один современный язык). Пока царь не был выбран по всей процедуре, включая божественные знамения, все властные функции выполнял «междуцарь» (*interrex*) из числа сенаторов. Он занимал эту должность пять дней, после чего передавал следующему сенатору – до тех пор, пока новый царь не был избран.

Ни один римский царь из числа легендарной семерки не был патрицием – аристократом из числа первых римских поселенцев. Некоторые были явными аутсайдерами – отец и сын Тарквинии из Этрурии, Сервий Туллий вообще неизвестно откуда. Отдельные ученые высказывали мнение о том, что наследование царской власти передавалось по женской линии, но это предположение слабо подкрепляется данными источников.

Легенды, окружающие имена римских царей, в основном относятся к сказочной сфере, но приписываемые им установления, завоевания, постройки – они существовали на самом деле.

Комиций и курия

В царские и ранние республиканские времена самой важной точкой Форума, а значит и Рима, был Комиций – место народных собраний. Это было открытое пространство, над которым иногда – вероятно, в непогоду – натягивали парусиновый полог. Позже на нем построили нечто вроде амфитеатра, на ступенях которого представители разных римских родов голосовали в собрании. На ступенях римляне стояли, а не сидели, и привычку сидеть на народных сходах, принятую на греческом Востоке, считали проявлением изнеженности (исключение – Сенат).

Открытое пространство в Риме могло считаться священным – для этого было достаточно, чтобы его освятили жрецы. Такое освященное место называлось словом *templum*, что чаще всего переводится как «храм». Из-за этого необычного словоупотребления археологи нового времени долго считали, что Комиций – это здание, и искали его следы.

На Комиции располагалось несколько памятников римским героям и один необычный памятник растению – фиговое дерево, посаженное там в память о другом фиговом дереве, под которым, по легенде, волчица нашла Ромула и Рема. Когда дерево засыхало, это считалось важным знамением, и жрецы со всей торжественностью заменяли его на новое.

Между Комицием и Форумом (возможно, там, где сейчас стоит арка Септимия Севера) находилась открытая платформа, предназначенная для иностранных послов. Место это было почетное, но называлось оно не очень почетным словом «Грекостасис», что означает примерно «стоянка для греков» (иностранные послы по преимуществу представляли грекоязычный Восток).

Комиций, по словам Тита Ливия, был «прихожей курии», то есть здания Сената. Первую курию построили на Комиции в легендарные времена царя Тулла Гостилия. Гостилиева курия была, вероятно, простым зданием во вкусе республиканской строгости. В 100 году до н. э., в год рождения Юлия Цезаря, она стала местом расправы с трибуном и народным любимцем Луцием Сатурнином. В это время римскую республику уже лихорадило вовсю. Диктатор Марий, в руках которого в этот момент была сосредоточена почти вся государственная власть, был многим обязан своим сторонникам Сатурнину и Главции, но их популистская деятельность ставила его во все более двусмысленное положение в среде знати; когда громилы Сатурнина и Главции убили невыгодно для их хозяев кандидата в консулы, возмущение достигло предела, и Марию было поручено разобраться с ситуацией. Марий разрывался на части; однажды вечером к нему одновременно пришли сенаторы, требующие приструнить Сатурнина, и сам Сатурнин, который хотел прижать к ногтю сенаторов – и Марий под предлогом расстройства желудка

бегал из одного конца своего дома в другой и бессовестно врал всем. На следующий день на Форуме разыгрался настоящий бой. Сатурнин со сторонниками потерпел поражение и окопался на Капитолийском холме; противники перерезали внешние коммуникации, и сатурнинцы, лишённые провианта и воды, были вынуждены сдаться. Пленного Сатурнина привели в курию с намерением предать его сенаторскому суду, но многие аристократы были так взбешены, что забрались на крышу, проломил в ней дыру и забросали Сатурнина камнями.

В 80 году до н. э. курию отреставрировал следующий харизматический лидер, Сулла, но в этом виде она простояла недолго: тридцать лет спустя борьба двух политических соперников, Клодия и Милона, выплеснулась на улицы в виде бурных рукопашных стычек между сторонниками соответствующих партий; однажды на Аппиевой дороге приверженцы Милона встретили самого Клодия и убили его. Взбешённые клодианцы приволокли тело своего предводителя в курию и устроили там погребальный костер. На этом история Гостилиевой курии закончилась: она сгорела.

В философском диалоге Цицерона «О пределах блага и зла» один из участников говорит: «Глядя на нашу курию (я имею в виду Гостилиеву, а не эту новую, которая, как мне кажется, стала меньше с тех пор, как ее расширили), я всегда думал о Сципионе, Катоне, Лелии... место обладает огром-

ной силой, способной вызывать воспоминания»⁴.

Здание или помещение, хорошо известное оратору, использовалось в риторической практике как мнемонический прием. Оратор мысленно располагал части своей речи по разным углам помещения, а потом, во время выступления, представлял себе это помещение и таким образом вспоминал, что за чем следует.

⁴ Пер. Н. А. Федорова.

Имена

Вглубокой древности у римлянина могло быть всего одно имя (такое, как «Ромул» или «Рем»), но в исторические времена у каждого уважающего себя гражданина их было три: личное имя (*praenomen*), родовое имя (*nomen*) и фамильное имя (*cognomen*) – например, Гай Юлий Цезарь или Публий Овидий Назон. Личных имен было немного – два-три десятка, а часто встречающиеся и вовсе можно было пересчитать на пальцах: Гай, Марк, Луций, Публий, Гней, Квинт, Секст. Родовое имя уходило корнями в глубокую древность, к основателю рода. Оно заканчивалось на – *ius* или – *aeus* (что по-русски традиционно передается как -ий и -ей): Юлий, Клавдий, Гораций, Корнелий, Анней. Фамильное имя было по своему происхождению прозвищем, некогда полученным основателем отдельной ветви рода («семьи»), например Агенобарб («рыжебородый»), Цицерон («горошина»), Целер («быстрый»), Брут («глупый»), Сципион («скипетр»). Иногда смысл фамильного имени терялся в веках (мы не знаем, что значили слова «Цезарь» или «Катон»).

Фамильное имя, как правило, переходило по наследству от отца к сыну, но за какие-то выдающиеся достижения гражданин мог получить дополнительное имя (второй *cognomen* или *agnomen*) – например, Кретик («Критский») за подчинение острова Крита римской власти или Африкан

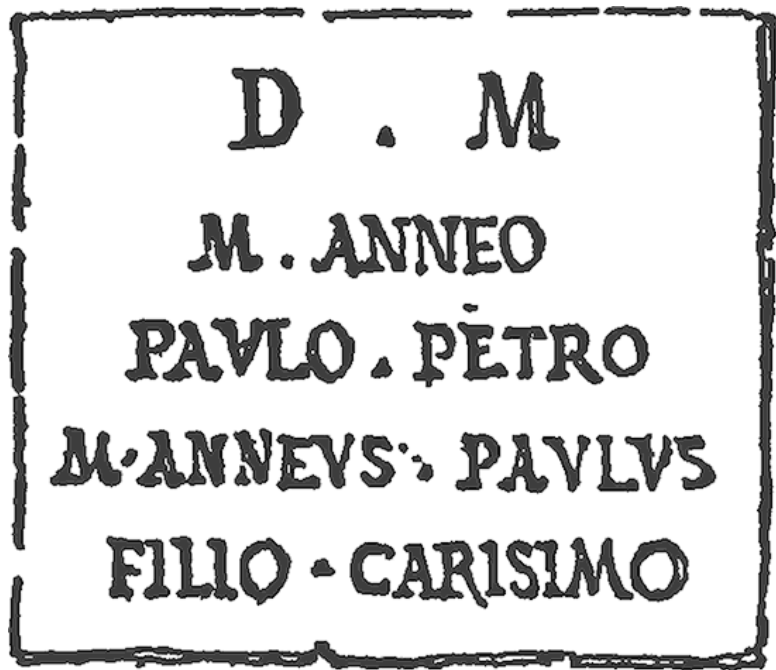
(«Африканский») за боевые заслуги в Африке. Иногда такой агномен присуждался посмертно – так, один из борцов за безнадежное республиканское дело остался известен в веках как Марк Порций Катон Утический, в честь самоубийства, совершенного им в африканском городе Утике.

У женщин собственных имен как таковых не было; их называли женской версией родового имени. Дочь Марка Туллия Цицерона звалась Туллия, дочь Юлия Цезаря – Юлия. Если дочерей было несколько, то к имени первых двух прибавлялись эпитеты «старшая» и «младшая» (*maior* и *minor*), а дальше шли в ход порядковые номера: *tertia*, *quarta* и так далее. Впрочем, иногда фамильные имена у женщин бывали – по когномену отца или мужа (Цецилия Метелла) или даже в честь какой-нибудь личной особенности. В императорские времена женщина, вступающая в брак, иногда получала женскую форму личного имени мужа, но сама идея одинаковых личных имен мужа и жены гораздо древнее – ее следы можно найти в традиционной формуле римской брачной церемонии, «Где ты Гай, я Гайя» (*ubi tu Gaius, ego Gaia*).

Рабы иностранного происхождения обычно обходились одним именем, а если хозяин отпускал их на свободу, брали личное и родовое имя хозяина и добавляли к ним собственное имя в качестве фамильного: так, вольноотпущенник Цицерона Тирон, изобретатель стенографии, получив свободу, стал зваться Марк Туллий Тирон.

Здесь уместно развеять одно устойчивое недоразумение.

В литературе часто встречается неправильное написание одного из самых распространенных римских имен («Кай» вместо «Гай», например – Кай Юлий Цезарь). Дело в том, что в старинных памятниках латинского языка буквы *C* и *G* не различались. А когда различие между ними ни у кого уже не вызывало сомнений, консервативные римляне продолжали записывать инициалы двух распространенных имен – Гай и Гней – как *C.* и *Cn.* соответственно. Но это причуда традиции, и к произношению она не относится.

Надгробная надпись Марку Аннею Павлу Петру от его отца Марка Аннея Павла.

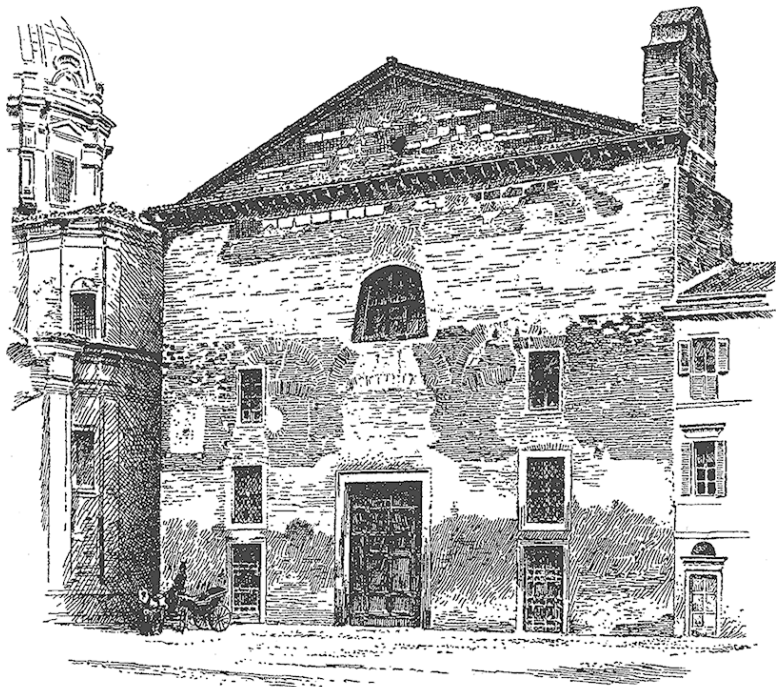
Племянник Суллы по имени Фауст начал было строительство нового здания для Сената, но Юлий Цезарь не дал ему довести дело до конца, снес построенное и велел построить курию заново. Прежде чем проект был завершен, Цезаря убили, и строительство доводил до конца его наследник Октавиан (в дальнейшем известный как Август). Август устано-

вил посреди Сената золотую статую богини победы Виктории, привезенную из греческого города Тарента на юге Италии. В конце iv века н. э. эта статуя стала предметом ожесточенного спора между некоторыми сенаторами, ностальгически приверженными старым языческим верованиям, и набравшим силу христианством. «Давайте восстановим религию, которая на протяжении долгого времени доказала свою благоприятность для нашего государства», – писал сенатор Симмах. «Можно ли терпеть языческие жертвоприношения в присутствии христиан?» – жаловался в ответ на это миланский епископ Амвросий в письме императору Валентиниану. Христиане победили.

После Августа следующую масштабную перестройку организовал в конце i века н. э. император Домициан. В конце iii века, после очередного большого пожара, курию заново отстроил Диоклетиан. Именно Диоклетианова курия (хотя путеводители обычно называют ее Юлиевой, в честь Цезаря) и есть то кирпичное здание с тремя окошками на фасаде, мимо которого проходит около четырех миллионов туристов в год. Конечно, здание Сената не стояло на главной площади города в таком неприглядном виде, просто от мрамора и штукатурки, которыми оно было облицовано, ничего не осталось.

Внутреннее пространство курии представляло собой большой зал, по длинным сторонам которого шли три ряда ступеней. На этих рядах и сидели сенаторы – либо в крес-

лах, либо на скамейках. Верхняя ступень, вероятно, предназначалась для младших сенаторов, которые не сидели, а стояли (и назывались поэтому *senatores pedarii*, «пешие сенаторы»). Заседание обычно вел либо один из консулов либо старейшина Сената; когда дело доходило до голосования, он или опрашивал присутствующих поименно, или предлагал выступающим «за» и «против» разойтись по разные стороны зала – в этом случае результат иногда можно было определить сразу, на глаз. Президиум восседал напротив дверей (там же стояла и статуя Виктории), а две двери за спиной председательствующих вели на Юлиев Форум. В нишах зала стояли статуи, а лепнина была спроектирована так, чтобы улучшать акустику.

Курия (церковь святого Адриана). Рисунок XIX века.

В древнейшие времена Сенат состоял всего из ста человек — от этой эпохи у сенаторов сохранилась привилегия пользоваться особой обувью, помеченной буквой с (как считают — от слова *centum*, «сто»). Потом их число выросло до трехсот, а к концу республиканских времен стало расти лавинообразно и при Юлии Цезаре достигло едва ли не тысячи. Август, приводя дела государства в порядок, ограни-

чил число сенаторов шестьюстами. На трех ступенях Диоклетиановой курии могло разместиться около трехсот человек (с учетом стоящих – несколько больше). Скорее всего, многие сенаторы пренебрегали своими обязанностями, и это считалось в порядке вещей.

Нескольким древнеримским постройкам повезло по сравнению с остальными по одной простой причине: они были преобразованы в христианские церкви. Так был спасен от разрушения Пантеон, и именно поэтому по сравнению с остальными зданиями Форума курия выглядит неплохо. В 630 году при папе Гонории I здание было освящено в честь Святого Адриана, гвардейца одного из императоров, который вместе с женой Наталией принял мученическую смерть; ныне Адриан считается покровителем военных, мясников и связистов. В середине xvii века курию украсил в барочном стиле архитектор Мартино Лонги, а другой архитектор, Франческо Борромини, снял с нее (точнее, уже с церкви Св. Адриана) бронзовые двери, отдал их на реставрацию (в ходе которой между бронзовыми пластинами нашли несколько монет, самые ранние – времен Домициана) и установил их в церкви Св. Иоанна Латеранского. Считается, что это самые древние в мире исправно функционирующие двери.

Во второй половине xix века археологи догадались, что за барочным убранством Св. Адриана скрывается здание древнеримского Сената. В 1935 году церковь прекрати-

ла свое существование, а к 1938 году позднейшие наслоения были уничтожены, остались голые кирпичные стены. Одни считают, что в результате нам стал доступен один из самых роскошных интерьеров, сохранившихся со времен античности, другие – что расправа с шедевром Лонги никак не обогатила наши представления о красоте и величии древнеримской архитектуры. От античных времен внутри сохранился мозаичный пол, выложенный в пышном имперском стиле из нескольких сортов цветного камня, привезенного со всех концов римского мира. Сейчас курия используется как помещение для временных археологических выставок.

Черный камень

Форум окончательно стал вотчиной археологов в конце XIX века, и с тех пор эта ситуация практически не менялась. В 1899 году перед курией раскопали плиты черного мрамора, а под ними – несколько памятников разного времени: Уобразный алтарь, небольшой пьедестал, продолговатый кусок вулканической породы (туфа), куски керамики, архаические культовые статуэтки. Никакой хронологической последовательности проследить не удалось: похоже, старинные и недавние артефакты торопливо покромсали и погребли под черными плитами в I веке до н. э., когда Форум и Комиций подверглись очередному капитальному ремонту. Стало понятно, что найден так называемый «Черный камень в Комиции» (*Lapis niger in Comitio*), о котором было известно из литературных источников. Сейчас на этом месте идут новые раскопки, и все пространство вокруг спрятано в полупрозрачный павильон довольно чудовищного вида.

Сами римляне считали, что это место – могила, но точно не знали чья. Одни говорили – Ромула; это вроде бы противоречило легенде об обожествлении Ромула, взятого на небо к бессмертным богам, но античное сознание легко справлялось с такими парадоксами. По другой версии, Черным камнем была отмечена могила пастуха Фаустула, приемного отца Ромула и Рема, который ужаснулся, видя, что его

воспитанники ссорятся, и сам бросился в драку, чтобы найти быструю смерть. А может быть, это была могила старого Гостилия, деда третьего римского царя. Наконец, это мог быть упоминаемый в источниках Вулканал, святилище подземного бога-кузнеца. Об этом свидетельствует черепок греческой чернофигурной вазы, найденный среди прочих предметов и мусора в яме Черного камня – на ней изображен бог Гефест на осле. Это популярный сюжет античного искусства: Зевс, отец Гефеста, разозлился на сына и сбросил его с Олимпа на землю; Гефест падал целый день, рухнул на остров Лемнос (отчего навсегда остался хромым) и девять лет жил на попечении местных нимф. Потом спохватившиеся родители стали звать его назад, но он отказывался; привести его удалось Дионису, который напоил хромого кузнеца, погрузил на осла и с триумфом доставил обратно на Олимп. Значит, в те древние времена, к которым относится ваза, римляне уже отождествляли своего Вулкана с греческим Гефестом. А никакого захоронения на месте Черного камня археологи не нашли.

Самой интересной находкой в святилище оказался неприметный кусок туфа. На нем была высечена надпись, и эта надпись была на латинском языке, только очень-очень древнем. Греческий историк Дионисий Галикарнасский сообщал, что Ромул посвятил свою статую Гефесту (то есть Вулкану) и в честь этого сделал надпись «греческими буквами» (то есть архаическим шрифтом; действительно, буква *r*

на этой надписи выглядит как P, а не как R).

Надпись сохранилась частично. Использовался очень архаичный метод написания – не слева направо и не сверху вниз, а сначала в одном направлении, потом в противоположном (в данном случае – сверху вниз и снизу вверх). Такой способ называется *бустрофедон*, «поворот быка» (имеется в виду – на пахотном поле). Надежно удалось разобрать, в сущности, только три слова: *kalatorem*, *iovxmenta* и *recei*. Первое означает должностное лицо, нечто вроде герольда; второе относится к подъяремным животным; третье же – это архаическая форма слова *rex*, «царь». В 1899 году это произвело фурор, потому что вроде бы доказывало реальность царской эпохи, в которой тогда многие сомневались. Во времена Цицерона жрец, называющийся *rex sacrorum* («священноцарь») – сохранивший религиозные функции, ранее принадлежавшие царям, – выполнял на этом месте какие-то ритуалы, смысл которых уже никому не был понятен; так, в частности, завершив процедуру, он уходил столь поспешно, будто за ним гнались. Осторожные ученые считают, что надпись Черного камня (здесь стоит напомнить, что Черный камень – это не сам блок туфа, а темная мраморная плитка, когда-то покрывавшая это место) описывает какие-то действия, которые царь (или жрец) и его помощник выполняют с участием животных. Менее осторожные лихо переводят надпись, включая недостающие части – например, в том духе, что царь запрещает ступать на это священное ме-

сто, а кто ступит, сам виноват, и пусть его забодают подъяремные животные. Что бы там ни было написано, это одна из самых древних дошедших до нас надписей на латинском языке.

Курциево озеро

Если, стоя посреди Комиция, посмотреть на противоположную, южную сторону Форума, то прежде всего мы увидим большую одинокую колонну (о которой немного позже), а слева от нее – углубление в уровне площади под неопрятной приземистой крышей. Это – Курциево озеро, еще один древнейший и едва ли не самый загадочный памятник римского Форума.

Во-первых, это, как нетрудно заметить, вовсе не озеро. Его название напоминает о тех легендарных временах, когда Форум еще не был осушен и приспособлен для жизни. Поэт Овидий назидательно писал:

*Место, где площади тут, занимали сырые болота,
А при разливе реки ров наполнялся водой,
Озеро Курция впрямь когда-то озером было,
Ныне же там алтари стали на твердой земле⁵.*

Доля истины в этом есть: Рим стоит среди заболоченных почв, и только массированные инженерные усилия времен Тарквиниев превратили в пригодное для жилья место не только вершины холмов, но и промежутки между ними. Но чтобы среди болот было озеро – тем более привязанное

⁵ Пер. Ф. А. Петровского.

к такому крошечному пятачку земли – это, пожалуй, поэтическое преувеличение.

У самих римлян было как минимум три объяснения тому, что такое Курциево озеро: одно прозаическое, одно легендарное и одно фантастическое.

Прозаическое объяснение заключалось в том, что в 445 году до н. э. в это место ударила молния и тогдашний консул Гай Курций Филон велел построить вокруг участка парапет. Если и было в этом что-то удивительное – так это удар молнии в ровное место.

Вторая история относилась ко временам войны между римлянами и сабинянами. На месте Форума разыгралось сражение; сабинский строй уже теснил римлян к самому Палатину, впереди на коне скакал один из сабинских вождей Меттий Курций. Ромулу с горсткой самых дерзких юношей удалось обратить его в бегство, лошадь под Курцием понесла и увязла в болоте. Пока сабиняне переживали за товарища и помогали ему выбраться из трясины, римляне перегруппировались и добились преимущества. Курций спасся, бой продолжался – тут-то на будущий Форум и выбежали сабинянки, решившие мирный исход сражения.

Третья история – самая сказочная и самая известная. В 362 году до н. э. посредине Форума – то ли от землетрясения, то ли от иных причин – случился провал грунта. Засыпать его не удавалось; наконец жрецы возвестили, что в провал надо бросить то, в чем заключается главная сила римско-

го народа – и тогда государство будет стоять вечно. Пока сенаторы недоумевали, молодой воин Марк Курций с укоризной спросил у народа – а есть ли у нас что-то сильнее оружия и доблести? С этими словами, в полном парадном вооружении, верхом на коне, он бросился в провал, а мужчины и женщины кидали ему вслед приношения и плоды.

Интересно, что довольно скептический Ливий склоняется именно к этой версии (как более поздней), а не к истории про Меттия Курция и болото. Между прочим, сабинское слово медисс означает «вождь» – так что, возможно, по крайней мере имя сабинского воина не придумано. Но легенда про таинственный провал и спасение через доблесть римлянам нравилась больше. Во времена императора Августа на Форуме воздвигли небольшой монумент с рельефом, изображающим Марка Курция на коне, готового прыгнуть в провал. Этот рельеф хранится в Капитолийских музеях, а на Форуме поставили копию.

Август вообще, видимо, питал слабость к этому месту: историк Светоний рассказывает, что «люди всех сословий по обету ежегодно бросали в Курциево озеро монетку за его здоровье»⁶.

⁶ Пер. М. Л. Гаспарова.

Марк Курций бросается в пропасть. Гравюра Керубино Альберти (?), хvi век.

В «год четырех императоров» (69 год н. э.), когда несколько претендентов боролись за верховную власть, возле Курциева озера был убит первый из четырех – Гальба. Он вышел на Форум, уверенный в своей победе над соперником, но это были ложные слухи, нарочно распущенные, чтобы выманить его из дворца. Против Гальбы обратились даже его собствен-

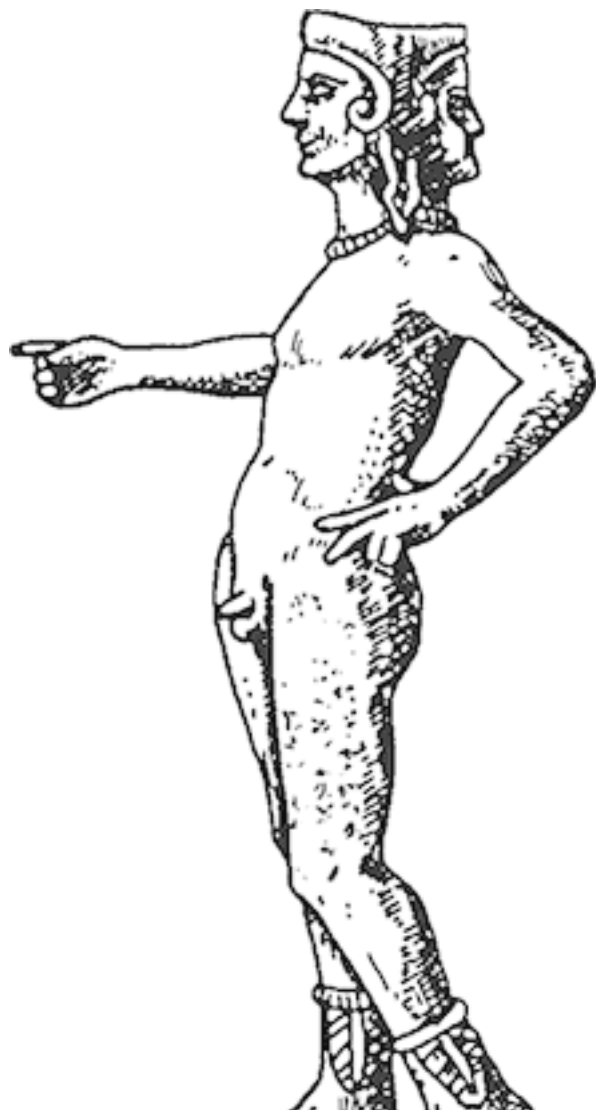
ные легионеры. Его были готовы защищать только рекруты из Германии, но они плохо ориентировались в Риме, заплутали и прибежали на Форум, когда было уже слишком поздно и император в луже крови лежал возле Курциева озера. Солдат, отрубивший Гальбе голову, не смог поднять ее за волосы, чтобы триумфально отнести трофей претенденту номер два Отону – Гальба был лыс; пришлось сунуть мертвецу руку в рот и нести, держа за челюсть.

Янус и Клоакина

Литературные источники в один голос утверждают, что в том месте, где Аргилет вливался в Форум, возле Курии, стоял еще один важнейший для Рима храм – храм двуликого Януса (*Ianus Geminus*). Вероятно, он находился там, где сейчас среди зарослей прячется маленькое кирпичное здание, которое археологические службы Форума используют в качестве подсобки.

«Храм» – не совсем точное определение; это было святилище в виде небольшого коридора с дверьми с обеих сторон. О происхождении его рассказывали разное, но связывали так или иначе все с тем же эпизодом войны между римлянами и сабинянами. По одной версии, внезапный разлив горячего источника остановил на этом месте войско уже было совсем победивших сабинян. По другой, после перемирия Ромул и Тит Татий воздвигли алтарь двуликому богу как символ двуединства народа, состоящего из римлян и сабинян. Наконец, Тит Ливий и Плиний Старший утверждали, что храм заложил царь-мудрец Нума Помпилий как «указатель мира и войны» (*index pacis bellique*). Это объяснение прижилось лучше других, и по традиции врата святилища Януса были открыты, пока Рим вел с кем-нибудь войну, и закрывались на время мира. Последнее происходило крайне редко: после полусказочных времен Нумы – один раз после

окончания первой Пунической войны в 235 году до н. э., потом после битвы при Акции в 30 году до н. э., сделавшей Августа властелином мира, и еще два раза за время его правления (об этом Август с большой гордостью сообщает в своей автобиографии). Позже мирные периоды случались чаще, но римская республика, как видно, постоянно жила в условиях военного положения.

Янус.

В святилище или возле него стояла бронзовая статуя Януса, у которого, как и положено, было два лица (Овидий называет ее «двуликой», а Вергилий «двулобой»). Считалось, что ее поставил царь Нума Помпилий. В одной руке у бога был посох, в другой – ключ, и при этом он еще умудрялся каким-то образом показывать на пальцах число 355 (именно столько дней насчитывали в году римляне до календарной реформы Юлия Цезаря).

Янус занимал в римской мифологии особое место. Бог порогов, дверей, пограничных состояний, он вызывал у склонных к порядку римлян боязливое почтение. По свидетельству Плутарха, на древних монетах с одной стороны изображалась голова двуликого Януса, с другой – корабельный нос или корма, потому что «Янус дал римлянам государственный порядок и научил их благонравию, а судоходная река снабдила их в избытке всем необходимым и с моря, и с суши»⁷. Действительно, римские мальчишки, подбрасывая монетку, говорили *capita* и *navia* – «головы» и «барки», как мы говорим «орел или решка», что бы ни было изображено на монете. С имени Януса начиналась любая римская клятва богам.

Чуть дальше к западу, перед портиком Эмилиевой базилики (о которой немного позже), на земле виднеется круг-

⁷ Пер. Н. В. Брагинской.

лый мраморный цоколь диаметром примерно в два с половиной метра; в одном месте от него отходит небольшой прямоугольный отросток. Археологи, проводившие раскопки в конце XIX века, установили, что это – фундамент святилища Клоакины. Если в этом имени вам слышатся отзвуки слова «клоака» – вы угадали: святилище было посвящено ручью, который когда-то пересекал Форум, а позже был спрятан под землю и стал составной частью масштабной канализационной системы древнего Рима, известной как *Cloaca Maxima* («Великая», или «Большая клоака»). Римляне совершенно справедливо полагали, что хорошая канализация – залог здоровья, причем понимали это они с самых давних времен. Святилище Клоакины – одно из древнейших; под тем цоколем, что виден сейчас, – еще семь слоев камня разных времен: культурный слой поднимался, и фундамент приходилось надстраивать.

Традиция связывала возникновение святилища Клоакины со временами Ромула, точнее – опять-таки с окончанием войны между римлянами и сабинянами: после успешного вмешательства женщин воины с обеих сторон сложили оружие, и на этом самом месте совершили очистительный обряд с использованием веток мирта. Как выглядело святилище, мы знаем по монетам эпохи Юлия Цезаря.

Тут необходима оговорка. Здание, даже небольшое, как минимум вмещает в себя несколько человек, а иногда – несколько сотен или даже тысяч. Монета, даже самая боль-

шая, помещается на ладони. Такое несоответствие масштабов приводит к тому, что даже очень скрупулезный художник-чеканщик вынужден упрощать и стилизовать изображаемое здание, избавляться от лишних деталей, зачастую менять пропорции, потому что в мире миниатюры действуют другие композиционные принципы. То, что получается, – это скорее графический конспект здания, чем его изображение. А ведь нумизматика – источник нашей информации о значительном числе несохранившихся античных строений. Информация эта очень важная, зачастую уникальная, но относиться к ней нужно с осторожностью.

На монетах, изображающих святилище Клоакины, виден небольшой постамент (вероятно, круглый), решетчатая балюстрада и две женские статуи в головных уборах. У одной из них в поднятой руке – какой-то предмет (обычно считается, что цветок, но доказать или опровергнуть это невозможно из-за масштаба: слишком мелко, деталей не разобрать). Фигуры две, потому что в какой-то момент культ Клоакины сплелся с культом Венеры – видимо, эти две богини, одна местная, другая общегосударственная, и осеняли своим присутствием место, где раньше находилось одно из отверстий Большой Клоаки. Впоследствии тот ее рукав, который проходил под Эмилиевой базиликой, вышел из употребления.

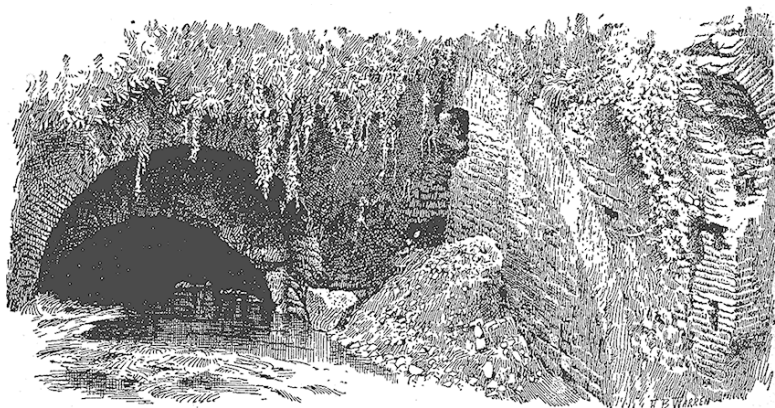
Традиция относилла обустройство Клоаки ко времени правления последних царей. Подземное русло этого ручья от Форума до реки следует весьма прихотливому

курсу: римляне с осторожностью относились к вмешательству в природу, потому что каждая гора или река была для них божеством, потенциально враждебным. Некоторые из прорытых каналов были так велики, что по ним могла проехать телега со стогом сена. Когда ближайший соратник Августа Агриппа в должности эдила (чиновника, отвечающего за общественные здания) велел прочистить римскую канализацию, он лично инспектировал работы, плавая по канализации на лодке. Во второй половине XIX века предприимчивые римские гиды охотно показывали богатым английским и американским туристам подземелья Клоаки. Будущий романист Генри Джеймс писал сестре из Рима в 1869 году, что это оказалось для него «самым глубоким и самым мрачным впечатлением от античности».

Около святилища Венеры – Клоакины произошла одна из трагедий раннереспубликанской эпохи, когда городом, по преданию, правил совет децемвиров («десяти мужей»). Один из них, по имени Аппий Клавдий (с его тезками и потомками мы еще не раз встретимся), воспылал страстной любовью к целомудренной плебейской девушке по имени Виргиния («девственная») и подговорил одного из своих сподвижников заявить прилюдно, что она не дочь центуриона Виргиния, а простая рабыня. Поскольку судьей по этому делу собирался выступать сам Клавдий и исход был предрешен, отец Виргинии, вопреки многочисленным препятстви-

ям добравшийся до города из военного лагеря, попросил разрешения у собравшихся переговорить с дочерью наедине. Он отошел с ней вместе к продуктовым лавкам возле святилища Венеры – Клоакины, схватил хлебный нож и заколол девушку со словами «только так я могу сохранить твою свободу». Народ ужаснулся, и правлению самовластных децемвиров пришел конец.

В первом веке нашей эры писатель-энциклопедист Плиний Старший дивился тому, что Клоаке уже 700 лет, а она как новенькая и «практически нерушимая». Наверное, он еще сильнее удивился бы, если бы узнал, что и сейчас, почти 2000 лет спустя, некоторые участки Большой Клоаки используются по прямому назначению. Отверстие, по которому нечистоты когда-то сливались в Тибр, можно увидеть сбоку от Палатинского моста (*Ponte Palatino*).

Арка Септимия Севера

Рассказывая о римских древностях, неизбежно приходится жертвовать то хронологической, то топографической связностью. В историографии есть понятие «палимпсест» – так называется рукопись, с которой стерли слова, чтобы записать что-то новое. Современные методы исследования иногда позволяют прочесть уничтоженный текст. Весь Рим – один огромный палимпсест. В этом городе никогда не останавливались перед тем, чтобы пристроить к античному забору ренессансную скамейку.

Вот и около самых древних памятников Форума – Черного камня и Курциева озера – появилась в начале iii века н. э. большая триумфальная арка, которая сейчас может поспорить с курией за звание лучше всего сохранившейся постройки на Форуме.

Сохранилась она по той же причине: в vii веке папа Агафон пристроил к ней диаконат, своего рода социально-благотворительный центр, посвященный святым Сергию и Вакху, который и просуществовал до рубежа xvi-xvii веков. В средневековье это была распространенная практика, причем языческий характер сооружений никого особенно не смущал. В xii веке местные бароны добавили к арке укрепления, которые простояли пять с лишним веков.

У арки Септимия Севера плохая художественная репутация.

ция: считается, что ее рельефы схематичны и безжизненны по сравнению, например, с теми, что украшают колонну Траяна. Это не совсем справедливо, но, чтобы составить собственное мнение, нужно сходить в Музей римской цивилизации и посмотреть на копии рельефов – мало того, что там их удобнее разглядеть, они еще и частично восстановлены, потому что оригиналы далеко не в идеальном состоянии. На арке, кроме крылатой Победы, речных божеств и времен года, изображена история восточного похода императора Септимия Севера: армия, выступающая из лагеря, жители, покорно отдающие себя под власть римлян, осада, приступ, военный совет, покоренные города Эдесса и Ктесифон. Один из основных изобразительных мотивов – римские солдаты, грубо ведущие за собой или перед собой испуганных, одетых в шапки парфянских пленников.

Арка Септимия Севера. Гравюра хvi века.

Поход стал одной из последних удачных военных операций Римской империи: Парфия – основной враг на востоке –

была повержена, более ста тысяч человек попало в плен и было продано в рабство. Укрепленную столицу арабов, город Хатру, взять не удалось, но Север тем не менее присоединил к своему имени не только победный титул «Парфянский», но и «Аравийский» – слова *Parthico* и *Arabico* видны на верхней строчке посвяtitельной надписи. В этой надписи прославлялся сам император и его сыновья Марк (больше известный как будущий император Каракалла) и Публий (больше известный как будущий – недолгий – соправитель брата, император Гета). Когда Каракалла убил Гету, последний был подвергнут процедуре, известной как *damnatio memoriae* («проклятие памяти»). В результате упоминание Геты на арке было заменено на абстрактную фразу про «прекрасных и могучих вождей» (*optimis fortissimisque principibus*). Но палимпсест сопротивляется забвению: изначальную надпись без труда удалось восстановить по расположению дырок, к которым крепились позолоченные бронзовые буквы.

На монетах видно, что на арке стояла огромная скульптурная группа: триумфальная колесница, запряженная шестью не то восемью лошадьми, которых ведут под уздцы два воина (Каракалла и Гета?) и, возможно, еще два всадника сопровождают их по бокам, как мотоциклисты – президентский кортеж. Никаких следов этой группы до наших дней не сохранилось.

В древние времена арка находилась на возвышении – к ней вели ступени. На многих старых картинах и гравю-

рах, от Пиранези до Каналетто, видно, что вплоть до XIX века нижний ярус арки (рельефы которого изображают пленных парфян под конвоем римских солдат) был полностью скрыт под землей.

Храм Сатурна

За аркой Септимия Севера, если смотреть на нее со стороны курии, стоят восемь колонн. Это остатки храма Сатурна, который соревнуется с храмами Весты и Юпитера Капитолийского за право считаться самым древним святилищем города. У римлян не было твердого мнения о том, кто его заложил, но все версии относились к фигурам полусказочным – царям Туллу Гостилию и Тарквинию Младшему или первому в истории Рима диктатору Титу Ларцию. Его нынешние останки датируются i веком до н. э., когда храм восстановил (скорее всего – выстроил заново) консул Луций Мунаций Планк. Планк был человеком невероятной карьеры – сподвижник Цезаря в галльских войнах, организатор знаменитого пира в честь Антония и Клеопатры, на котором египетская царица растворила жемчужину в уксусе и выпила раствор, изобретатель титула «Август» для первого римского императора, последний римский цензор (после него должность была упразднена), основатель городов Базель и Лион. В базельской ратуше стоит его деревянная статуя.

То, что мы видим сейчас, к сожалению, не относится ко временам августовского расцвета: восемь колонн из серого и розового египетского гранита, позаимствованные у других зданий, и не слишком искусные ионические капители, вытесанные специально для этого случая, были собраны в iv

веке — так поздно, что некоторые считают эту перестройку одним из последних актов отчаяния со стороны римских язычников в пору, когда храмы олимпийских богов официально уже были запрещены. На фризе указано, что Сенат и римский народ восстановили этот храм, уничтоженный пожаром; это одна из немногочисленных надписей, где вездесущая аббревиатура *spqr* прописана полностью (*Senatus Populusque Romanus incendio consumptum restituit*).

С древних времен под святилищем Сатурна находилась государственная казна, поэтому храм служил штаб-квартирой для квесторов, государственных чиновников, отвечающих за финансы. В какой-то момент казну разделили на две части: одна использовалась для повседневных государственных надобностей, другая представляла собой своего рода «стабилизационный фонд», к которому можно было обращаться только в случае крайней опасности для государства. Римляне считали, что главной угрозой для них могла бы стать война с галлами, но реальность, как обычно, обманула ожидания. В бурную пору «римской революции» казной овладел Юлий Цезарь; когда молодой народный трибун попытался защитить храмовую сокровищницу собственным телом, Цезарь многозначительно сказал: «Поверь, мне труднее тебе угрожать, чем тебя убить».

Как и многие другие памятники на Форуме, храм Сатурна больше всего пострадал в эпоху Ренессанса. Из записок уже упоминавшегося Поджо Браччолини «О переменчиво-

сти судьбы» даже известно, когда это примерно произошло: «Сохранился портик храма Согласия [тогда именно за него принимали храм Сатурна], который я видел почти нетронутым и облицованным прекрасным мрамором в пору моего первого приезда в Рим [в 1402 году]; а потом римляне пережгли на изветь весь храм, часть портика и расколотые колонны. На портике до сих пор [1447 год] видны буквы, свидетельствующие о том, что Сенат и римский народ восстановили храм, уничтоженный пожаром». На гравюре Пиранези (вторая половина xviii века) развалины храма Сатурна предстают окутанными идиллической атмосферой, которой давно не найдешь на Форуме: вдаль уходит исчезнувшая с тех пор улочка с жилыми домами, прямо к боковым колоннам пристроено здание, на крыше которого растут цветы в гигантских горшках, по земляной насыпи бродят овцы, между колонн протянута веревка с бельем.

Храм Сатурна. Гравюра Джованни Баттисты Пиранези.

В храме стояла статуя Сатурна из золота и слоновой кости, одетая в шерстяные одежды; по свидетельству Плиния Старшего, внутри она была полая, залитая оливковым маслом, якобы полезным для слоновой кости. Кроме того, ноги статуи были прикручены к постаменту грубыми веревками, которые снимали только на время праздника сатурналий в конце декабря. Это был веселый, буйный праздник, «лучший из дней» по словам поэта Катулла: рабы и хозяева менялись местами, все ходили друг к другу в гости, дарили подарки, работа замирала. (Катилина и его сообщники планировали захватить власть и перерезать сенаторов именно в дни

сатурналий, когда все теряют бдительность.) Плиний Младший писал другу, что он отвел себе на вилле отдельный кабинет, чтобы не мешать своим домашним справлять сатурналии – и чтобы праздничное веселье не мешало его ученым занятиям. Некоторые исследователи считают, что на исходе античности христианские богословы постановили считать временем рождения Иисуса конец декабря именно для того, чтобы переформатировать и ввести в благочестивое русло празднование языческих сатурналий, которые никак не хотели сдавать свои позиции.

Храм Согласия

За аркой Септимия Севера, у западной границы Форума, находится бетонная насыпь – часть фундамента здания, которое занимало гораздо большую площадь, чем видно сейчас, и частично уходило вглубь, туда, где теперь лестница и Палаццо Сенаторио. Этот бетон, возможно, самый старый в Риме – остатки храма Согласия (*Aedes Concordiae*). Легенда относит его основание к 367 году до н. э. Овидий пишет об этом так:

*Фурий поклялся тогда, победитель этрусков,
поставить
Древний твой храм и свое он обещанье сдержал;
Дело в том, что с оружием в руках отложились
от знати
Чернь, и грозила уже римская Риму же мощь.⁸*

(Выбранное переводчиком слово «чернь» по-русски звучит более резко, чем латинское *vulgus*, «простой народ».) Действительно, в этот момент римские плебеи взбунтовались против существующего государственного порядка и грозили уйти из города, основать собственное государство и так далее. После напряженной борьбы был принят ряд

⁸ Пер. Ф. А. Петровского.

законов, обеспечивших плебеям доступ к высшим государственным должностям, в том числе консульству; более того, по этим законам как минимум один из консулов каждого года должен был представлять плебейское сословие. Прославленный полководец и государственный муж Фурий Камилл объявил об этом решении народу, был встречен ликованием и дал обет воздвигнуть храм в честь согласия сословий.

Следующая версия храма возникла в 121 году до н. э. Почти наверняка цемент для его основания был получен, в числе прочего, из раздробленных камней старинного Камилловского храма – римская архитектурная практика придавала большое значение подобным символическим жестам. Этот храм уже не был посвящен согласию сословий – он скорее прославлял согласие олигархов. Строительство санкционировал консул Луций Опиций, после того как он под предлогом выполнения ультимативного указания Сената утопил в крови движение сторонников Тиберия Гракха. Это был поворотный пункт в истории римской республики; через столетия система правления, просуществовавшая до того несколько веков, полностью развалилась. То, что Опиций отметил один из самых кровавых и трагических эпизодов в истории римской республики перестройкой храма Согласия, не ушло от внимания наблюдателей, и уже очень скоро над посвященной надписью на фронте кто-то написал: «Злой глас Раздора храм воздвиг Согласию». Несколько веков спустя Блаженный Августин продолжал иронизировать: «Но что

это было, как не насмешка над богами – строить храм богине, которой явно не было в городе, иначе он бы не был разгромлен и растерзан? Разве что богиню Согласия, как виновницу такого преступления, было решено заточить в храме, как в тюрьме, за то, что она покинула души граждан».

Храм Согласия несколько раз упоминается в литературных источниках в связи с разного рода знаменами: один раз в стоящую на крыше статую богини Победы попала молния, в другой раз возле храма наблюдали кровавый дождь. В бурные годы, которые у историков получили название «римской революции» (хотя можно ли называть революцией период в сто с лишним лет – спорный вопрос), в этом храме неоднократно собирался Сенат, особенно во времена государственных кризисов. Именно здесь Цицерон произнес свою заключительную, четвертую речь против Катилины с призывом казнить заговорщиков. Храм перестроил и украсил император Тиберий за счет добычи, полученной в германском походе.

В храме Согласия был организован своего рода музей: старый Август затребовал для него статую богини Весты с острова Пароса; там же разместилось множество других греческих статуй и римских картин, четыре диких слона из обсидиана (вулканического стекла), подаренные храму самим Августом, и перстень, который отдала в коллекцию супруга Августа Ливия. По легенде, это был тот самый знаменитый перстень, что когда-то принадлежал самосскому ти-

рану Поликрату.

Из-за сложного ландшафта архитектурное решение здания было необычным: вопреки классической традиции, он был больше вытянут в ширину, чем в длину. Во время тибериевской перестройки его хотели увеличить, но длина храма была ограничена Табуларием сзади и Комицием спереди, поэтому увеличили его в основном в ширину, и к получившемуся широкому фасаду вели узкая лестница и пронаос. Монеты свидетельствуют, что храм был украшен многочисленными скульптурами: Геркулес и Меркурий по бокам у входа и еще не меньше семи фигур (среди них, вероятно, богиня согласия Конкордия, Тиберий и его брат Друз и т. д.) на крыше. Фрагмент богато украшенного антаблемента (той части здания, которая находится над колоннадой и состоит из архитрава, непосредственно опирающегося на колонны, фриза и карниза) можно увидеть в Капитолийских музеях, примыкающих к месту расположения храма со стороны Капитолия.

Поликратов перстень
Очень любил Поликрата.
Когда Поликрат его бросил в море,
Он хотел обидеться,
Но решил, что любовь – превыше,
Залез в рыбу
И вернулся к Поликрату на перст.
Когда Поликрата распяли,
След его теряется.

Потом он был в музее у Августа
И казался посредственной работы.
Так об этом сказано у Плиния.

Клара Лемминг, Пер. М. Л. Гаспарова

Храм Веспасиана

Рядом с храмом Согласия (или, точнее, с тем местом, где он когда-то был) стоят три колонны из белого итальянского мрамора. На одной из гравюр Пиранези эти колонны изображены на фоне еще одной бытовой зарисовки из жизни «Коровьего поля». Но современный зритель вряд ли узнает в них нынешний памятник: на гравюре грунт доходит почти до самых капителей – так высоко поднялся со времен империи культурный слой. Когда в 1810 году храм стали откапывать, выяснилось, что три сохранившиеся колонны не стоят прямо, а отклонились почти на метр, и их поддерживает только накопившаяся вокруг почва. Архитекторам пришлось демонтировать колонны и возвести их на новом фундаменте, так что ступени и подиум этого храма созданы в 1811 году. В конце XIX века археолог Родольфо Ланчиани, немного преувеличивая, писал, что, когда грунт удалили, «публика увидела на фоне неба те капители и фриз, по которым всего несколькими месяцами ранее ступали ноги туристов».

Между тем и Пиранези, и архитекторы начала XIX века считали, что эти три колонны принадлежат храму Юпитера Громовержца (который на самом деле стоял на Капитолии, неподалеку). На сохранившемся куске фриза видна надпись *estitver*. Догадаться, что это фрагмент слова *restituerunt*, «вос-

становили», не составляло труда, но по понятным причинам атрибуцию храма такая надпись не облегчала.

Ключ к загадке оказался спрятан в уникальном документе – так называемом Айнзидельнском путеводителе. Это часть средневековой рукописи IX века (времен Карла Великого), которая представляет собой одиннадцать маршрутов для прогулки по Риму из конца в конец, от одних ворот в древних стенах до других. Ученый монах из Германии тщательно отметил все здания и памятники, которые можно было увидеть при движении по каждому из маршрутов, и скопировал надписи на некоторых из них. На нашем храме, например, было написано: «Божественному Веспасиану Августу Сенат и римский народ», а на следующей строчке – «Императоры и цезари Север и Антонин Пий, счастливые Августы, восстановили». Хотя этот документ был обнаружен в швейцарском монастыре Айнзидельн уже давно, с храмом на Форуме его сопоставил археолог Антонио Нибби только в 1827 году.

Стало понятно, что это тот самый храм, который после смерти и обожествления императора Веспасиана начал строить его сын Тит – но достроить не успел, потому что умер всего через два года после отца. Тита тоже обожествовали, и строительство закончил его младший брат, третий и последний император династии Флавиев Домициан. Античные источники сообщают, что храм был посвящен и отцу, и сыну (хотя надпись упоминала только отца), так что в некоторых

книгах он называется «Храм Веспасиана и Тита».

Фриз храма был украшен бычьими черепами (*bucrania*) – символом жертвоприношения, который защищал от дурных предзнаменований. Между черепами были изображены разные приспособления для жертвоприношения: шлем, топор, нож, блюдо, кувшин. На этот изысканный пример римского декоративного искусства можно посмотреть в Капитолийских музеях.

Практика обожествления императоров началась с Юлия Цезаря и ко времени Веспасиана стала настолько привычной, что циничный и трезвомыслящий император, которому мы обязаны поговоркой «деньги не пахнут», счел возможным иронизировать на эту тему: по свидетельству историка Светония, когда он почувствовал приближение смерти, то промолвил: «Увы, кажется, я становлюсь богом»⁹ (*Vae, puto deus fio*).

⁹ Пер. М. Л. Гаспарова.

Портик богов Согласия

За храмом Веспасиана, напротив храма Сатурна, расположен странный памятник, на который редко обращают внимание. Это колоннада из двенадцати невысоких коринфских колонн, образующих неловкий тупой угол «спиной» к Капитолию. Обычно сдержанные авторы архитектурных и археологических путеводителей не жалеют бранных эпитетов для этой – действительно довольно неуклюжей – конструкции.

У этого памятника даже нет твердо устоявшегося названия. Известно, что он был посвящен двенадцати богам. Саму концепцию римляне переняли у греков (греки называли верховных богов «олимпийскими», по предполагаемому месту их обитания – горе Олимп в северной Греции), а укрепились она, вероятно, во времена войны с Ганнибалом. Когда государству угрожала смертельная опасность, сенаторы и народ обратились к жрецам, которые углубились в священные книги и объявили, что если Рим устоит, то весь приплод первой мирной весны – всех телят, ягнят, поросят и цыплят – надо будет принести в жертву богам. Такой обряд назывался «священная весна» (*ver sacrum*). Кроме того, было решено установить на Форуме шесть лож, каждое для пары верховных богов. Тит Ливий указывает эти пары в такой последовательности: Юпитер и Юнона, Нептун и Минерва, Марс

и Венера, Аполлон и Диана, Вулкан и Веста, Меркурий и Церера. А старинный поэт Энний сочинил непере译имое двустишие, где распределил олимпийцев по половому признаку: сначала назвал всех богинь, потом всех богов. Это ему удалось только путем сокращения имени *Iuppiter* до архаической формы *Iovis*:

*Iuno Vesta Minerva Ceres Diana Venus Mars
Mercurius Iovis Neptunus Volcanus Apollo.*

Ученый-энциклопедист Варрон в трактате «О земледелии» тоже упоминает «двенадцать согласных богов – только не тех городских, чьи позолоченные образы стоят на Форуме, шесть мужских и столько же женских, но тех двенадцать богов, что больше всего помогают земледельцам». У него это Юпитер и Теллус (богиня почвы), Солнце и Луна, Церера и Вакх, Робиг (отвратитель болезни злаков) и Флора, Минерва и Венера, Лимфа (богиня пресной воды) и Эвентус (бог благополучного исхода).

Археологи предполагают, что изображения богов стояли между колоннами портика. Не совсем понятно, для чего служили семь небольших помещений в глубине, – может быть, шесть из них были предназначены для шести пар богов, может быть, помещений было двенадцать, просто пять из них еще не удалось обнаружить. Дошедшие до нас обломки относятся ко времени правления династии Флавиев. Но портик

неоднократно реставрировали и реконструировали.

Последняя античная реконструкция отмечена надписью на архитраве портика, и из нее мы знаем, кто и когда ее организовал: префект города Веттий Агорий Претекстат в 367 году нашей эры. Это очень неожиданная дата для реставрации такого откровенно языческого памятника: в 341 году запретили жертвоприношения, в 356 году языческие храмы были официально закрыты. Тем не менее многие римляне, особенно из числа наследственной аристократии, сопротивлялись победоносному натиску христианства. Претекстат был из числа таких несгибаемых консерваторов (как и его младший друг Симмах – тот, что пытался защитить статую богини Победы в здании Сената). Сохранилась бронзовая табличка, на которой справа отмечены все государственные должности Претекстата (губернатор Лузитании, проконсул Ахайи, префект города), а слева – его религиозные титулы (жрец Весты, жрец Солнца, авгур, иерофант, Отец мистерий).

Как и Симмах, Претекстат явно не относился к пассивным противникам новой религии. Христианство к концу iv века уже не было исключительно верой обездоленных провинциалов – оно все решительнее шло к тому, чтобы стать тоталитарной государственной доктриной, и от взгляда тогдашних ученых язычников не ускользало стремление христианского священства к роскоши, которое позже таким пышным цветом расцвело именно на римской почве. «Сделайте меня

папой римским, и я немедленно покрещусь», – иронизировал Претекстат. Христиане отвечали ему взаимной неприязнью: блаженный Иероним после его смерти с удовлетворением отмечал, что «выбранный консул этого года теперь находится в аду».

Претекстат.

В свете этой непримиримой борьбы история восстановления памятника в новое время выглядит парадоксом: его раскопки проводились под эгидой папы Григория XVI, а нынешней его формой мы обязаны папе Пию IX, который в 1858 году приказал собрать колонны из обломков зеленоватого мрамора, а недостающие заменить новыми, уже не из мрамора, а из травертина (это пять колонн без желобков с правой стороны портика). Вклад обоих пап отмечен мемориальными досками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.